

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

М.В. Рагулина

*Учреждение Российской академии наук Институт географии
им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск*

Рецензент д-р геогр. наук, профессор А.Д. Абалаков

Ключевые слова и фразы: интегральная теория; методология; мировоззренческие парадигмы; синтез; субъективность; этническая экология.

Аннотация: Рассматриваются основные течения этнической (культурной) экологии с точки зрения потенциала синтеза, исследуются их методологические противоречия и предлагается модель интеграции собственно этноэкологических и междисциплинарных направлений, основанная на теоретических разработках американского философа К. Уилбера.

Термин «этноэкология» в настоящее время прочно вошел не только в научный лексикон, но и в обыденный оборот. На рубеже XX–XXI столетий влияние постмодернистского мировоззрения и «культурного поворота» в науке выразилось в существенном расширении предметного поля этноэкологических исследований: если ранее они были связаны с жизнеобеспечением этноса, то теперь термин «этноэкология» маркирует самые различные сферы, – от утилизации отходов до сакральных смыслов пространства. В данном случае речь идет не о «профанизации» строгого научного термина, а скорее, о более чутком отклике на многоаспектность экологических вопросов в жизни этноса.

В 1980–1990 гг., в период своего формирования, отечественная этноэкология (аналог зарубежной культурной экологии) имела вполне определенный спектр интересов. Он простирался от познания закономерностей функционирования этноэкосистем [9] и изучения природопользования этносов [8] до исследования «форм взаимоотношения этнических общностей с окружающей средой, связанных с освоением этой среды – как материальным, так и духовным, и использования ее ресурсов» [10, с.14].

За рубежом в этот период наблюдался бурный рост культурно-экологических исследований, часть из них была «перенесена» на россий-

Рагулина М.В. – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии, Учреждение Российской академии наук Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, e-mail: milanara@yandex.ru, г. Иркутск.

скую почву, где также, в дополнение к укоренившейся сциентистской традиции, происходило впитывание и усвоение феноменологической и постмодернистской мировоззренческих парадигм [17]. В результате современная этническая экология представлена эклектичным набором часто конфликтующих между собой подходов. Позитивные черты такой ситуации – разнообразие, многогранность, проницаемость междисциплинарных барьеров, широта тематического охвата. К негативными следствиям можно отнести «расползание» дисциплины, борьбу за «истинную этноэкологию» вместо сотрудничества, трудности взаимопонимания, приводящие к отбрасыванию ряда гуманитарных разработок как «маргинальных». При этом «вес» негативных сторон зачастую оказывается настолько велик, что препятствует развитию теории этноэкологии и искусственно ограничивает ее возможности в создании работоспособных методик практического исследования. Преодолеть эту сложную ситуацию можно, решив проблему интеграции предметного поля и направлений этноэкологии.

Особенности становления предметного поля культурной (этнической) экологии

Системные исследования культуры и среды способствовали формированию культурно-экологического предметного поля. Еще в 1925 г. в классической «Морфологии ландшафта» К. Зауэр высказал предположение о потенциальной продуктивности экологических подходов и возможности их приложения к исследованиям природного ландшафта и сообществ людей. Однако при этом он предупреждал, что если трактовать природу и человека только как объекты, процессы и продукты, то такая наука «...утверждающая веру в отсутствие духа, беспокоящего нас загадкой универсума, неизбежно попадет в западню рационализма» [29]. Эта «западня» грозила большинству этноэкологических течений, возникших на сциентистской мировоззренческой основе.

Каждое из вновь возникающих культурно-экологических направлений заявлялось как интегративное. Концепция культурной адаптации Д. Стюарда [31] стала первой эффективной моделью, исследующей особенности культуры и среды. По замыслу ее автора, адаптация к природной среде способствует выработке новых, либо модификации существующих паттернов поведения социума: в конкретных природных условиях сочетание определенной технологии и формы социальной организации приводит к образованию культурного ядра [26]. Иными словами, «культурное ядро» должно было выступить в качестве интегральной категории, формирующей отношения между природной обитаемой и эксплуатируемой средами, способами жизнеобеспечения и социокультурной организацией социума. В качестве одной из основных целей культурной экологии декларировалось исследование поведенческих моделей, связанных с освоением природных ресурсов в общекультурном контексте данной социальной группы. Попытка синтеза деятельности, технологий и культуры в адаптивном процессе была определенным методологическим прорывом, вопреки эклектичности конкретных культурно-экологических разработок.

Этноэкологические исследования 1960–1980-х гг. несколько сместили исследовательские акценты в пользу количественной реконструкции

взаимосвязей в системе «этническая/культурная группа – среда», и проблема инкорпорации духовной составляющей процесса материального производства отошла на второй план, чтобы через десятилетие подняться с новой остротой.

В отечественной этноэкологии направления, акцентирующие «духовные» и «материальные» аспекты, образовывали своеобразные параллельные потоки: исследования жизнеобеспечения [13, 15, 16] дополнялись изучением экологических традиций и представлений этносов [1, 11]. Задача синтеза, поставленная Д. Стюардом, так и не была решена, хотя недостатки ценотических и гомеостатических культурно-экологических методологических подходов стали очевидны. Автор концепции антропогеоценоза В.П. Алексеев [2, 3] в модель, включавшую освоенную территорию и хозяйственный коллектив, попытался ввести блок «информационное поле антропогеоценоза», но разработку алгоритма его исследования дать не успел. Его идейный преемник И.И. Крупник [10], назвавший духовные аспекты освоения среды одной из составляющих дисциплины, отметил, что эта часть гармонии не поддается изучению с помощью алгебры и требует дополнительного осмысления.

Итак, к 1990-м гг. на Западе и в России возникла потребность пересмотра базовых позиций с учетом гуманитарной составляющей взаимодействия среды и культуры, поскольку «ценотическая» этноэкология перестала соответствовать обострившимся реалиям социальной жизни и не могла внести новое знание в проблемы неравенства, расовых и этнических конфликтов, разрушения среды обитания индигенных народов.

Проблема синтеза: варианты решения

Этноэкология как дисциплина, сочетающая принципы гуманитарного и естественнонаучного знания, является гибридной наукой. Простое совмещение принципов и методов обеих ее «крыльев» терпит неудачу из-за различия гносеологических принципов, и перспективы такого синтеза в социальной экологии (так же как и в этноэкологии – *М.Р.*) не прослеживаются [14].

Существующие варианты решения проблемы синтеза можно условно обозначить как синтез в проблемном поле «культура», синтез в поле «природа и хозяйство» и «составные» схемы синтеза.

В поле «культура», в основном, формируются подходы, ориентированные на интеграцию способов производства и этнических идентичностей [28]. Это в большей мере характерно для западной культурной экологии, где сильна постмодернистская линия и ориентация на социальный конструктивизм. В отечественной науке существует попытка К.В. Истомина [6] рассматривать производственную систему этнической группы как элемент культуры, ответственный за взаимоотношения со средой обитания при этом утверждает, что в данном случае ее материальные и знаковые составляющие будут поняты и описаны наилучшим образом.

Второй вариант – перемещение культурных, нематериальных факторов в поле «природа и хозяйство» представлен многочисленными отечественными работами (преимущественно советского периода), восходящими

к марксистской традиции. Формирование идентичности, мировоззрения и духовной культуры объясняется в терминах способа производства, экономического базиса и культурной надстройки. Данное направление присутствует также и в зарубежной науке: так, М. Харрис считает, что «...если мы хотим понять сам феномен культуры и исследовать ее закономерности ... то от призрака Маркса нам не уйти и остается лишь честно признать этот факт» [6, с. 12].

Таким образом, проблему предлагается решить, просто переместив «производство и среду» в сектор «культура», или наоборот, не принимая во внимание неизбежные последствиями редукционизма.

Третий вариант ориентирован на совмещение подходов, поиск их точек соприкосновения и приведение к общему методологическому «знаменателю».

И.Ю. Гладкий отмечает, что интеграция даже близкородственных дисциплин для обеспечения понимания предполагает некую философско-методологическую «унификацию» используемых ими терминов и понятий [4]. Далее, аргументируя свою позицию, названный автор цитирует экофилософа В.А. Кобылянского (позволим себе привести данную цитату в силу ее важности): «Совершенно необходимо избежать... той установки, когда проблема географической экологии рассматривается с позиции одного подхода, биологической экологии с позиции некоего другого подхода, а социальная и антропоэкология имеет каждая свои методологические основания. Подобный конгломерат подходов был бы неправомерен с теоретической точки зрения, весьма расточителен и неэкономичен в отношении времени и сил, требуемых на овладение материалом» [4, с. 8].

Примеры серьезных работ, реализующих этот редукционистский манифест на практике, к сожалению, нами не найдены, да и вряд ли возможны. При существующем методологическом разнообразии создать некий унифицированный язык, в равной мере адекватно описывающий и сакральное и мирское, количественные и качественные грани любого феномена, избежав упрощения и редукционизма, еще никому не удалось. Об этом говорит и И.И. Крупник [10] в приведенной цитате про невозможность постижения гармонии алгеброй.

Нами была предпринята попытка применения схемы культурно-географического (в том числе – применимого в сфере этноэкологии) синтеза на основе деятельности и коммуникации [17]. Коммуникативные процессы вовлекают в себя множество социальных, культурных и природных контекстов, внутри которых развивается адаптивная деятельность. Коммуникация подразумевает целостный охват контактирующих сторон, снимая ограниченность подхода к культуре как к способу социальной адаптации. В объединение сфер интракультурной, контекстуально-деятельностной детерминации и природных доминант встроена уровневая структура личностной и групповой коммуникации: духовность, идентичность, ценности, стратегии, деятельность рассматриваются как преломляющие природный контекст в данной культуре. Такая концепция позволяет сопоставить в единстве «природное» и «культурное» для каждой конкретной общности, не ограничиваясь влиянием природных условий на определенный вид деятельности, обычно не затрагивающим глубинных интракуль-

турных структур, либо описанием экологических традиций в отрыве от их контекстуальной реализации. Это позволяет исследовать культурные (этнокультурные) контакты, объясняя ситуации, которые трудно интерпретировать с помощью традиционного методологического инструментария. Тем не менее, данная модель ориентирована на решение конкретных задач и познание этноэкологических взаимодействий в культурном ландшафте и не подходит для интеграции различных подходов этноэкологии и смежных дисциплин.

От традиционного сциентизма стартует интегральная попытка объединения сфер эстетики, морали и позитивных знаний в «слоях» культурного ландшафта, через опредмечивающую деятельность в рамках природно-экологических и культурно-экологических подсистем [12]. По нашему мнению, данная попытка интересна, но все же относится к «составным» вариантам синтеза.

Сложность сопряжения разных граней и нежелание следовать редукционистскому пути привели ведущих зарубежных ученых к формулировке очень простых, но практически эффективных схем. Согласно Б. Тернеру [33], практически всеми географами-культурэкологами разделяется взгляд о необходимости подхода, основанного на синтезе усилий специалистов разных дисциплин, так называемого «specialist-synthesis approach». Еще один вариант – «новая повестка культурной экологии» [27]. Ключевым понятием становится широко понимаемая культурная адаптация. Интеграция направлений включает сочетание изучения экологической перцепции, где «место» трактуется в традициях гуманистической географии с учетом структуралистского подхода, с исследованием жизнеобеспечения. Последнее, в свою очередь, вовлекает объективные критерии используемых ресурсов, проявленных в культурно обусловленной технологии, в том числе в природопользовании. Все эти процессы прослеживаются в динамике, с выделением стадийных ступеней. В итоге предлагается достижение интеграции с помощью «наложения» гуманистической (феноменологической) и сциентистской мировоззренческой парадигм, а также средовой, временной и частично пространственной традиций при лидирующей роли категории «культурной адаптации». Тем не менее, и данная модель не в состоянии преодолеть барьеры междисциплинарного непонимания.

В итоге следует отметить, что описанные схемы синтеза преимущественно исходят из задач частного, прикладного характера, и наиболее заметные интегральные работы выполнены именно с применением данного подхода. Однако задача интеграции требует более фундаментального осмысления.

Основания культурноэкологического (этноэкологического) синтеза: интегральная модель К. Уилбера

Необходимость более глубокого синтеза, а не формального сочетания исследовательских приоритетов из разных дисциплин, потребовала поиска методологически-философских оснований, в качестве которых мы предлагаем интегральный подход К. Уилбера.

Таблица 1

Квадранты Уилбера

	Внутренние (левые)	Внешние (правые)
Индивидуальные	Субъектный «Я» Сознание. Сфера опыта. Субъективная реальность индивида. Познается с помощью эмпатии	Объектный «ОНО» Поведение. Сфера объективных процессов (поведения индивидуального объекта). Познается с помощью наблюдения, количественной фиксации, эксперимента
Коллективные	Межсубъектный «МЫ» Культура. Интерсубъективная реальность на всех уровнях коммуникации. Познается с помощью герменевтических и гуманистических методов	Межобъектный «ОНИ» Социум и природа. Интеробъективные реальности на всех уровнях взаимодействия, «паутина систем». Познается с помощью системного анализа и объективных методов

К. Уилбер [18, 19] предложил систематизировать все области научного знания, культуры и искусства с помощью системы четырех нередуцируемых квадрантов, образно названных им «четырьмя углами космоса» [19, с. 115]. Они охватывают субъектные, объектные, межсубъектные и межобъектные грани любого феномена. Как видно из табл. 1, квадранты соответствуют «внутренним» и «внешним», индивидуальным и коллективным ландшафтам реальности, соотносятся с интенциональным «Я», объектным «ОНО» («ЭТО»), культурным «МЫ» и социально-природным «ОНИ». Методы познания в каждом квадранте специфичны и нередуцируемы друг к другу: для объектов верхнего правого сектора – это комплекс, соответствующий избранной дисциплине естественнонаучных приемов; нижнего правого – естественно- и общественно-научных, основанных на сциентистской мировоззренческой установке с учетом системной природы и межобъектных взаимосвязей; нижнего левого – герменевтика, гуманистические и феноменологические подходы; верхнего левого – эмпатия, совместное переживание опыта. Каждый из квадрантов несет важное сообщение, не сводимое к терминам, философской основе и методам иных секторов, только ему присущий смысловой спектр.

В квадрантах правой стороны объекты рассматриваются как «ОНО», что, в общем-то, традиционно для отечественной науки. Левосторонние квадранты в индивидуальном измерении – как «Я» и в коллективном – как «МЫ».

Интегральная парадигма К. Уилбера, примененная к разработке теории экологии [24, 25], позволила построить линии коммуникации между традиционно близкими, конфликтующими и «экзотичными» для науки направлениями (табл. 2).

Распределение школ экологии по четырем квадрантам [25, с. 10]

	Внутреннее	Внешнее
Индивидуальный	«Я» Феминистская экология. Психоаналитическая экология. Глубинная экология. Экопсихология. Романтическая экология. Трансперсональная экология. Экофеноменология. Экотерапия. Экопоэтика. Энвайронментальная эстетика	«ОНО» Химическая экология. Когнитивная экология. Поведенческая (бихейвиоральная) экология. Математическая экология. Акустическая экология. Психологическая экология. Клиническая экология. Теоретическая («чистая») экология. Молекулярная экология
Коллективный	«МЫ» Этноэкология. Лингвистическая экология. Процессуальная экология. Информационная экология. Духовная экология. Экологическая теология. Экологическое право. Экологическая этика. Эзотерическая экология. Космологическая экология	«ОНИ» Палеоэкология. Историческая экология. Политическая экология. Промышленная экология. Социальная экология. Экология сообществ. Ландшафтная экология. Экология населения. Эволюционная экология. Наноэкология

В отечественной науке спектр школ экологии, особенно в своей гуманитарной части, не так широк и имеет несколько другой профиль, тем не менее, проникновение ряда «левосторонних» подходов уже началось и, с растущей легкостью информационного обмена, скорее всего, будет усиливаться. Можно предвидеть ситуацию, когда ряд гуманитарных направлений (как уже произошло с конструктивистской парадигмой) «акклиматизируется» в проблемном поле этнической экологии, поэтому налаживание каналов коммуникации между ними является актуальной задачей. Обозначим принадлежность существующих этноэкологических направлений каждому из квадрантов.

Верхний правый квадрант «ОНО» охватывает такие вопросы адаптации индивидуума, когнитивные проявления, удовлетворение потребностей, которые могут быть объективно зафиксированы, измерены и изучены. К примеру, это показатели энергетического обмена, удовлетворения потребностей в пище, жилье, безопасности, характеристики физической антропологии. Изучение механизмов влияния экологических структур на жизнестойкость индивидуума. В данном ракурсе затрагиваются объективные стороны проблемы прохождения человеком кризисов и жизненный цикл в целом, вопросы жизненной емкости территории, плотности населения, физического здоровья и развития, социального статуса, толерантности, чуткости к инновациям – то есть всего того, что помогает человеку эффективно использовать ресурсы своей среды [27].

Нижний правый квадрант «ОНИ» имеет с верхним довольно пронизываемую и условную границу и включает феномены системной структуры этноса и среды, объективные проявления коллективной деятельности. Жизнеобеспечение этноса рассматривается здесь в контексте связей между производственным коллективом с учетом его демографической, социальной, валеологической структуры и этнической территорией, понимаемой как совокупность ресурсов в пределах освоенного ареала. Вопросы этноэкологической экспертизы и политики, права, этноэкономики и количественной социологии рассматриваются «во владениях» данного сектора. Сюда вписывается большинство отечественных этноэкологических разработок. Тематическое наполнение данного сектора довольно детально разработано [6]. Традиционно в географической науке объективность была синонимом значимости полученных результатов. Но за пределами такого взгляда остается мотивационное поле, сфера морали и ценностей, иными словами, все то, что побуждает индивида и сообщество применить в данном месте и времени конкретную стратегию взаимодействия со средой и воплотить в ландшафте результаты именно этой деятельности. Мотивация к деятельности возникает, когда мы переносим проблемы экологии через два следующих сектора – субъектный и интерсубъектный.

Верхний и нижний секторы правой стороны предусматривают, в терминах психологии [5], третью позицию восприятия – с точки зрения наблюдателя. Она характеризуется эмоциональной и сенсорной диссоциацией, рациональным подходом к наблюдаемым (а не переживаемым) явлениям.

Верхний левый квадрант «Я» включает индивидуальные личностные ценности, реализуемые человеком – носителем определенной этнической / культурной идентичности во взаимоотношениях со средой, личный, экзистенциальный опыт переживания своей среды с точки зрения «Посвященного» (термин Д. Дж. Костроув [23]). Индивидуальность и субъективность – это то, чего так долго не могла принять география. Экологическая среда индивидуума, переживаемая как продолжение его личности, не дифференцирована ни практически, ни эстетически [23, 32]. «Самость» (категория аналитической психологии, «self» – *M.P.*) имеет дело с действиями и идентичностью географического субъекта; тело – это то, что соединяет самость с реальным местом в перцепционном аспекте [22]. Восприятие среды может быть исследовано экспериментально, но эксперимент предполагает интерпретацию, понимание опыта личности: так, Д. Симон [30] организовывал специальные группы (*experimental-experience groups*), которые на личном опыте фиксировали свое восприятие среды, а затем обменивались впечатлениями.

Сектор подразумевает первую позицию восприятия с эмоциональной и сенсорной включенностью в окружение. Проиллюстрируем данный тезис цитатой, которая может быть отнесена не только к древнему человеку, либо представителю традиционной этнокультуры, а к любому индивиду, находящемуся в позиции «Посвященного» по отношению к своей среде: «... неодушевленного мира просто не существует. По этой причине он (древний человек, – *M.P.*) не «персонифицирует» неодушевленные предметы и не наполняет пустой мир духами, в чем пытается убедить нас ани-

мизм. Мир ... представляется не пустым и неодушевленным, но изобилующим жизнью... В любой момент он может столкнуться с любым явлением не как с «ОНО», а как с «ТЫ». В этом столкновении «ТЫ» проявляет свою личность, свои качества, свою волю. «ТЫ» переживаемо как жизнь, встретившаяся с другой жизнью» [20, с. 25–26].

Нижний левый квадрант, «МЫ» концентрирует культурные смыслы, стереотипы и групповые ценности, аккумулирует информационные фильтры, порождающие этнические модели мира. Этноэкология должна уделить внимание тому, как стадии эволюции мировоззрения от архаического к магическому, мифологическому и рациональному меняют мотивацию по преобразованию социумом своей среды. Здесь наблюдается переход от отношений «субъект–объект» к отношениям «субъект–субъект». Отсюда происходит «стена непонимания» между ревнителями чистоты каждого подхода. Особенно это касается экологической ветви этнокультурного ландшафтоведения: к примеру, с позиций сциентистски – объектной установки, А.Г. Исаченко [7] утверждает, что соотнесение идей и ценностей с каким-либо ландшафтом некорректно. В то же время современное понимание этнографического (аборигенного) ландшафта центрировано на воплощении в нем традиционных знаний о духах, традициях, правилах поведения, что свидетельствует о воплощении «живой групповой идентичности». Причем материальные проявления такого ландшафта могут быть минимальны [21]. К данному сектору принадлежит большинство работ гуманистической культурной экологии и качественной этносоциологии.

Для сектора характерна вторая позиция восприятия, ориентированная на осознание категории «МЫ», понимание групповых ценностей партнеров по коммуникации. Экологическая среда интерпретируется как «след» культуры, отпечаток ценностей и мировоззрения этнической / культурной группы.

Основная трудность отечественных этноэкологических исследований состояла в том, что практики понимали важность субъективного сектора, но были вынуждены легитимизировать его в виде объекта «ОНО», теряя ценность своих находок. В зарубежной культурной экологии обратная тенденция: в рамках конструктивистской парадигмы и интерпретативных подходов рассматривается материальное жизнеобеспечение этноса, требующее объектных методов системного анализа [28].

Редукционизм и упрощение реальности проявляется не только в попытках переноса субъектных феноменов «Я» и «МЫ» на территорию объектов «ОНО», и наоборот. Еще один вариант – провозглашение «универсальной», претендующей на тотальность методологии синтеза, которая расквартирована в любом из квадрантов, соответственно, придерживается его методологии и смыслов, в результате лишая голоса три остальные грани этноэкологических (и иных) феноменов.

Все четыре квадранта находятся в состоянии взаимодействия и совместного развития, «тетраэволюционируют» [18]. Социально-экологическая система, включающая материальное жизнеобеспечение, социальную стратификацию, ресурсы среды обитания, влияет на ценностную сферу обще-

ства и его мировоззрение. Это, в свою очередь, служит контекстом формирования личности и ее жизненного мира, что отражено в соматическом и физиологическом статусе, поведении как материальном проявлении отношений со средой. Эти отношения подразумевают определенную степень взаимозависимости, то есть ситуацию, когда «каждое культурное событие имеет свой социальный коррелят» [19, с. 131], предполагают чуткость к находкам каждого сектора и рассмотрение любой культурно-экологической проблематики с позиций каждой грани. Тогда можно быть уверенными, что мы не «потеряем» какую-либо из граней, обеднив наше понимание реальности. Модели синтеза в культурной экологии, выполненные на интегральной мировоззренческой платформе, должны стать как импульсом теоретического развития, так и методологической основой выработки прикладных методик исследования.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (08-06-98018-р_сибирь_a).

Список литературы

1. Абаев, Н.В. Экологические традиции в культуре народов центральной Азии / Н.В. Абаев, К.М. Герасимова, А.И. Железнов. – Новосибирск : Наука, 1992. – 158 с.
2. Алексеев, В.П. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика / В.П. Алексеев // Природа. – 1975. – № 7. – С. 18–23.
3. Алексеев, В.П. Становление человечества / В.П. Алексеев. – М. : Политиздат, 1984. – 462 с.
4. Гладкий, И.Ю. Географические основы этнической экологии : дис. ... д-ра геогр. наук : 25.00.24 / Гладкий Игорь Юрьевич. – СПб., 2006 – 380 с.
5. Дилтс, Р. Моделирование с помощью НЛП / Р. Дилтс. – М. : Питер, 2000. – 288 с.
6. Истомин, К.В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Истомин Кирилл Владимирович. – Сыктывкар, 2004. – 202 с.
7. Исаченко, А.Г. О так называемом этнокультурном ландшафтведении / А.Г. Исаченко // Изв. РГО. – 2005. – Т. 137, вып. 5. – С. 57–62.
8. Итс, Р.Ф. Введение в этнографию / Р.Ф. Итс. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. – 168 с.
9. Козлов, В.И. Основные проблемы этнической экологии / В.И. Козлов // Советс. этнография. – 1983. – № 1. – С. 3–18.
10. Крупник, И.И. Арктическая этноэкология: модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии / И.И. Крупник. – М. : Наука, 1989. – 272 с.
11. Лебедева, Н.М. Психологические аспекты этнической экологии / Н.М. Лебедева // Этническая экология: теория и практика / Отв. ред. В.И. Козлов. – М., 1991. – С. 51–65.

12. Лысенко, А.В. Экологический подход в изучении культурных ландшафтов Северного Кавказа / А.В. Лысенко // *Вопр. соврем. науки и практики*. Ун-т им. В. И. Вернадского. – 2009. – № 2. – С. 72–81.
13. Мангатаева, Д.Д. Эволюция традиционных систем жизнеобеспечения коренных народов Байкальского региона / Д.Д. Мангатаева. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. – 214 с.
14. Плюснин, Ю.М. Пути взаимодействия социального и биологического знания в решении проблем социозэкологии человека / Ю.М. Плюснин // *Экология человека в больших городах*. – Л., 1988. – С. 58–61.
15. Плюснин, Ю.М. Многообразие простоты: модели жизнеобеспечения сельского населения России в период кризиса общественной жизни / Ю.М. Плюснин // *Этносоц. процессы в Сибири*. – 2000. – Вып. 3. – С. 63–68.
16. Рагулина, М.В. Коренные этносы сибирской тайги. Мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области) / М.В. Рагулина. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. – 163 с.
17. Рагулина, М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез / М.В. Рагулина. – Иркутск : Изд-во ин-та геогр. СО РАН, 2004. – 171 с.
18. Уилбер, К. Интегральная психология: сознание, дух, психология, терапия / К. Уилбер ; пер. с англ. под ред. А. Киселева. – М : АСТ и др., 2004. – 412 с.
19. Уилбер, К. Краткая истории всего / К. Уилбер ; пер. с англ. С.В. Зубкова. – М. : АСТ ; Астрель, 2009. – 476 с.
20. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека : пер. с англ. / Д. Уилсон [и др.]. – СПб. : Амфора. – 2001. – 314 с.
21. Buggey, S. An Approach to Aboriginal Cultural Landscapes / S. Buggey / Ottawa : Historic Sites and Monuments Board of Canada, http://parkscanada.pch.gc.ca/aborig/aborig20_htm.
22. Casey, E.S. Between Geography and Philosophy: what does it Mean to be in the Place – World / E.S. Casey // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2001. – Vol. 91, No. 4. – P. 683–693.
23. Cosgrove, D. Social Formation and Symbolic Landscape / D. Cosgrove. – Madison, Wisconsin : The University of Wisconsin Press, 1998. – 332 p.
24. Esbjorn-Hudgens, S. Integral Ecology: Uniting Multiple Perspectives on the Natural World / S. Esbjorn-Hudgens, M. Zimmerman. – New York : Random House : Integral Books, 2009. – 826 p.
25. Esbjorn-Hudgens, S. An Overview of Integral Ecology. A Comprehensive Approach to Today's Complex Planetary Issues / S. Esbjorn-Hudgens, M. Zimmerman // *Integral Institute, Resource Paper*. – 2009. – No. 2. – P. 1–14.
26. Grossman, L. Man-Environment Relationship in Anthropology and Geography / L. Grossman // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1977. – Vol. 67, No. 1. – P. 126–144.
27. Hardesty, D. Rethinking Cultural Adaptation / D. Hardesty // *Professional Geographer*. – 1983. – Vol. 35, No. 3. – P. 399–406.
28. Kawamura, H. Symbolic and Political Ecology Among Contemporary Nez Perce Indians in Idaho, USA: Functions and Meanings of Hunting, Fishing,

and Gathering Practices / H. Kawamura // Agriculture and Human Values. – 2004. – No. 21. – P. 157–169.

29. Sauer, K.O. The Morphology of Landscape / K.O. Sauer // University California Publ. : Geography. – 1925. – No. 2. – P. 19–53.

30. Seamon, D. A Geography of the Life World: Movement, Rest and Encounter / D. Seamon. – New York : St. Martin Press, 1979. – 354 p.

31. Steward, J.H. Theory of Culture Change / J.H. Steward. – Urbane : University of Illinois Press, 1955. – 244 p.

32. Tuan, Y-Fu. Segmented Worlds and Self: Group Life and Individual Consciousness / Y-Fu Tuan. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1982. – 456 p.

33. Turner, B.L. Specialist-Synthesis Approach to the Revival of Geography: the Case of Cultural Ecology / B.L. Turner // Annals of the Association of American Geographers. – 1989. – Vol. 79, No. 1. – P. 88–100.

Integral Paradigm in Ethno-Ecological Research

M.V. Ragulina

*The Russian Academy of Sciences Institute of Geography
named after V.B. Sochava, Irkutsk*

Key words and phrases: ethnic ecology; integral theory; methodology; subjectivity; synthesis; world view paradigms.

Abstract: The paper studies the main trends in the ethnic (cultural) ecology from the point of synthesis potential; their methodological contradictions are examined and the model of integration of the ethno-ecological and interdisciplinary directions is proposed; it is based on the ideas of the American Philosopher K.Wilber.

© M.B. Рагулина, 2010